

**ИНГА
МАКСИМОВСКАЯ**

**ПОНЧИК
СОЗОРНЫМ**

ПРИЦЕПОМ

Инга Максимовская

Пончик с озорным прицепом

«Инга Максимовская»

2026

Максимовская И.

Пончик с озорным прицепом / И. Максимовская — «Инга Максимовская», 2026

Семь лет Дарья пыталась забыть предательство любимого. Воспитывала сына, работала и не подпускала к себе ни одного мужчину на пушечный выстрел. Слишком глубока была рана. И всё было прекрасно, пока в её жизнь не вернулся он — человек, который её разрушил. Отец её ребенка, циничный и беспринципный Игорь Даров, теперь владелец отеля, где она работает горничной. И он ни за что не должен узнать о тайне Дарьи — маленьком мальчике, который обожает хоккей и думает, что его папа герой. Зачем он вернулся? Точно для того, чтобы снова разрушить её жизнь.

© Максимовская И., 2026

© Инга Максимовская, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пончик с озорным прицепом

Пролог

Господи. А ведь я не хотела идти на этот чёртов корпоратив. И платье это на мне дурацкое. Зря я поддавалась на уговоры Ритки. В нём я похожа на батон «Вязанки». Розовое, блестящее, совсем не для моих телес.

Я знала, я была уверена, что этот адский бал ничего хорошего мне не принесёт. Я знала...

– Понка, ты? – насмешливый мужской взгляд ощупывает моё тело, словно сканирует. Чёрт, зачем я оставила палантин в гардеробе? Чувствую себя голой. Я так надеялась, что этой встречи никогда не случится. Я... – Выглядишь бомбезно. Платье вообще огонь. На базаре купила? Или Томка твоя чокнутая сшила?

– Какого лешего ты тут делаешь? – я сиплю так глупо, что сама себя ненавижу. Смотрю на мужчину из прошлого и не могу шелохнуться. Ноги приросли к полу, прямо к проклятым туфлям на шпильке, в которых я и ходить-то не умею. Похожа в них на шагающий башенный кран, только такой... погнутый и распухший, как после взрыва.

Он не изменился совсем. Только возмужал: плечи шире стали и глаза злые. И смотрит он на меня с насмешкой. Словно это не он выкинул меня из своей жизни, а я от него сбежала.

– Понка, ты как была грубиянкой, так ею и осталась, – кривит губы Игорь Даров. Чёртовы губы. Провалиться бы под землю. – Встречный вопрос: ты тут какими судьбами? Неужели решила по местам боевой славы прошвырнуться? Я думал, ты уехала со своим сердешным другом в розовые дали. И что, муж отпустил? – теперь его глаза похожи на ледяные осколки, способные пронзить любое сердце.

– Не смей меня называть этой проклятой утиной кличкой, – у меня в голове рвутся петарды. Взрываются с грохотом... или это так сердце колотится, что глушит все звуки вокруг? Я ненавижу его. Я его презираю. Я шесть лет представляла себе эту встречу. А он снова на коне. А я, соответственно, под... И всё летит псам под хвост: все мои мечты о том, что я буду ледяной и прекрасной, а он – униженным и оскорблённым. Я снова я – толстая, растерянная и... Я хочу сбежать, хотя ни в чём не виновата перед этим самоуверенным носорогом, который выкинул меня из своей жизни как ненужную игрушку. И не только меня...

– Понял. Нет, значит, мужа. А что так? Он тебя бросил? Или не женился? Что ж, закономерный итог. Ты меня предала – он тебя... Мужики не любят дешёвых шалав. Ну, если на разок только.

– Что ты несёшь? – я задыхаюсь от наглости этого самодовольного гада. Это ведь он мне изменил. Это я его застала с другой бабой. Он её целовал, ласкал и смотрел на меня, как сейчас – со злой насмешкой. Смотрел, как я убегала вся в слезах. – Уйди с дороги и больше никогда не попадайся мне на глаза. Слышишь? Никогда. Проваливай.

– Не могу, куколка. Я сегодня свадебный генерал на этой вакханалии. А вот ты что тут делаешь – надо разобраться.

– Я тут работаю, – выдыхаю я.

Этого не может быть. Это не может быть правдой. Чёртов адский бал сегодня устроен в честь нового хозяина нашего отеля. Это же не... Невозможно. Только не это.

Даров скалится, как волк. Я пропала. Он уволит меня. И мы с Ванюшкой... Ванюшка. Боже мой. Надо бежать, уносить ноги, прятать сына. Только вот если я останусь без этой работы, нам будет не на что не то что бежать – жить.

– Вот это поворот, Понка. И что же, ты администратор? Или, может, старшая смены?

Я горничная. Простая горничная. И сейчас мне хочется сдохнуть. Но нельзя. У меня есть сын. Мой мальчик. Только мой. Чёрт, страшно как. А если Даров узнает...

– Пусти, – всхлипнув, отталкиваю мучителя.

Мне хочется просто сбежать. Он ведь уедет. Эта гостиница досталась ему, по слухам, за долги. Он уедет, точно. Его бизнес весь в столице. Я вообще не понимаю, зачем он припёрся. Не знакомиться же с персоналом занюханного отеля? Зачем?

– Ты очумела? – удивлённый вскрик Игоря меня отрезвляет.

Я смотрю, как он, взмахнув руками, заваливается на стол, заставленный бокалами.

– Дура чёртова!

Рык, почти звериный, придаёт мне ускорения. Срываюсь с места, как спринтер. Слышу звук бьющегося стекла за своей спиной. Ну, теперь точно кранты. Я безработная мать-одиночка. Зашибись сходила расслабиться.

Вылетаю из зала, не разбирая дороги. Каблуки стучат по мраморному полу слишком громко, будто взрывается под моими ногами земля. Сердце колотится где-то в горле, мешает дышать. Люди оборачиваются, кто-то возмущённо цыкает, кто-то смеётся, но мне всё равно. Мне сейчас вообще на всё плевать.

Сворачиваю за угол, почти врезаюсь в официанта с подносом. Бокалы звякают, он матерится сквозь зубы, а я уже бегу дальше. В гардероб. Мне нужен мой палантин. Мне нужно что-то, за что можно спрятаться. Хоть на секунду.

Руки дрожат так, что я не сразу попадаю номерком в ладонь гардеробщицы. Она смотрит на меня внимательно, с жалостью. Наверное, у меня сейчас лицо как у сумасшедшей.

– Даш, тебе плохо? – осторожно спрашивает она. Слишком участливо.

Даже она меня жалеет. Тётя Женя, у которой в жизни нет ничего, кроме трёх кошек, жалеет меня. Наверняка уже кто-то ей рассказал, что я уронила нового хозяина нашей богдельни. Слухи в нашем отеле разлетаются молниеносно.

– Нет, – выдыхаю я. – Всё нормально. Просто устала. Домой пора. Поздно уже.

Ложь выходит жалкой. Как и я сама.

– Ну да, поздно, – хмыкает тётя Женя, бросив взгляд на часы, висящие на стене. Они показывают восемь часов вечера. – Даш, всё будет хорошо. На, вот тебе. Я пекла.

Сует мне в руки пакет, пахнувший сдобой. Я ужасно хочу проглотить всё, что бы там ни лежало. Стресс я всегда заедаю, поэтому такая... такая толстая.

Господи. Ну за что?

Глава 1

Даша – Утро перед корпоративом

Утро было бы прекрасным, если бы не...

Так у меня начинается каждый новый день. День сурка.

Будильник, мытьё кошачьих мисок под голодный вой Маруськи, завтрак Ванюшке, подъём заспанного мальчишки из кровати. Снова спал с хоккейной клюшкой в обнимку. Снова всё постельное бельё, украшенное логотипами хоккейных команд, в зацепках. Ну нет у меня денег на дорогой спортивный инвентарь.

– Ванюш, пора вставать, – треплю сына по курчавой головке. – Снова опоздаем в сад. Валентина Петровна будет опять недовольна.

– Ну, мам, у меня болит живот, – пыхтит моё счастье. Ничего у него, конечно же, не болит. Хотя я миллион раз попадалась на уловку маленького симулянта, детям же нельзя не верить. – И нога, – снова канючит мой сын, видя, что вредная мать не ведётся. – Не хочу в сад. Там Петька Зайцев снова будет обзывать. И он сказал, что ты меня не запишешь в хоккейную секцию, потому что мы бедные, и папы у нас нет.

Улыбаюсь через силу, пытаюсь проглотить вставший в горле противный колючий ком. Нет у нас папы, на которого Ванька так похож. Нет и не надо. Из предателей получают плохие отцы.

– Дурак он. Мой папа – герой. Правда же, мам? Он же герой. И он крутой. Был... – Ванька гладит меня ладошкой по руке, а я сижу, как пыльным мешком пришибленная. Ну да, я дура. Я обманываю собственного сына. А что я должна ему сказать? Что его отец – обычный мерзавец и трус? Что?

– Конечно, милый, – выдавливаю, всё-таки проглотив чертов ком. – И на секцию запишемся. Сразу, как только тебе шесть исполнится, как тренер сказал. Ты станешь лучшим в мире хоккеистом, – чащу, чтобы сойти с этой скользкой и ужасной темы. – Но спортсмены никогда не отлынивают от своих обязанностей. И в садик они ходят, точно. И живут по режиму. Они целеустремлённые и сильные.

– Как папа, да? – блестят глазенки Ваньки.

Да, как папа, черт. Вот уж не думала, что любовь к хоккею может передаваться на генетическом уровне. Герой не моего романа был звездой укатка. А я... Господи, ну о чём я думала тогда. Даров – мажор, звезда и ослепительный парень. А я... Понка в лосинах, которые трещали по швам. Сама виновата. Во всём виновата я. Только расплачивается за это мой сын. И это мерзко и противно. И я снова вру ему, говоря, что спортсмены – вот такие небожители. И злюсь на себя.

Мерзкое утро. Значит, и денёк будет ещё тот. И корпоратив – это ещё гадский.

– Милый, пора. Чисти зубы и завтракать. В саду на завтрак мы уже почти опоздали, – я не отвечаю на вопрос сына. Просто не могу. Нет сил говорить, что его отец весь из себя такой альпинист, который, спасая женщину, свалился в пропасть. Не могу. До тошноты.

– Шоколадные шарики?

– Нет, омлет, каша чемпионов и какао, – вздыхаю. Конец месяца, какие шарики? До зарплаты неделя. Премии меня в этом месяце лишили за разбитый графин, который даже не я расколола. Эх, жизнь – жестянка.

– Ну хоть в сад-то ты меня отвезёшь, – супится Ванька, натягивая носочки. И тут прокол. И тут я его подведу.

– Тома. Ваня, ну правда, у меня первая смена сегодня. И вечером есть дела. Ну, не сердись. Побудешь с тётей Томой. А в субботу ходим на хоккей.

– Честно? – глазенки Ванюшки распахиваются. У него глаза отца. Он – крошечная копия Игоря Дарова. Человека, который меня уничтожил.

Истеричный звонок в дверь меня встряхивает. Так может звонить только один человек на планете. И если ей не открыть «вотпрямщас», то Томка вынесет железную дверь.

– Бубу-бобе-боме, бо, буба, – высовывается из ванной Ванятка. У него изо рта торчит щётка, подбородок весь в пасте.

– Обязательно скажу, – хмыкаю я.

Дверь распахивается, словно порывом ураганного ветра. Я едва успеваю отскочить.

– Девки... – Томка замолкает, потому что в прихожей появляется Ванятка. – Ну, короче. Это... Я гармошку приволок, – хихикает моя лучшая подруга, почти сестра. Это она не дала мне свалиться в пропасть отчаяния и наделать ошибок. – Точнее, платье. Ты будешь неотразима, зуб даю.

Я смотрю на футляр в руке Тома, расшитый пайетками, и уже понимаю, что меня ждёт нечто ужасн-шикарное. Чересчур для меня.

– Пойдёшь и порвёшь там всех. И потребуешь повышение уже наконец у этой выдры начальницы. При новом бугре она не посмеет тебе отказать. Ты лучшая, ты мать-одиночка, и ты просто обязана стать старшей смены. Правильно я говорю, Ванька? – поворачивается Томка к моему сыну, который умыт, причесан и румян. Стоит рядом и улыбается от уха до уха.

– Правильно, тётя Том. Мама лучше всех. Иначе бы папа в неё не влюбился. Герои же женятся только на лучших.

– Иди собирайся, герой? – хмыкает Томка. – А то ваша Валентина Петровна нас с тобой превратит в сушёных Бармалеев.

– Сегодня опять? – спрашиваю, когда Ванька исчезает в детской. – Ты бы, что ли, уже перестала ему врать про геройство его папашки-козла. Полярник хренов, чтоб ему в валенки...

– Тома, – вздыхаю я устало, с трудом сдерживая смех.

– Чего, Тома? Тома. Сто лет уже, Тома! Мальчишке голову заси... В общем, забиваешь. А потом он вырастет и тебе не скажет спасибо. А если в папане его разыграют чувства...

– Он не знает о Ваньке, – испуганно шепчу я. – И не узнает никогда. Слышишь?

– Я-то слышу. А вот ты себя слышишь? Шила в мешке не утаишь. Доброхотов вокруг как г...

– Тома.

– Эх. Ладно. Делай как знаешь. Но вечером хоть блистай. А то, может, тот ферзь, который вашу гостишку отжал, как увезёт в райские кущи.

– Господи, Тома, что ты несёшь? – прерываю я слишком оптимистичный поток Томкиного словоблудия. – Хоть бы не поувольнял всех к чертовой бабушке. Знаешь же, новая метла по-новому метёт.

Я и вправду боюсь потерять эту дурацкую работу.

Глава 2

Игорь Даров (вечер накануне корпоратива)

Я не знаю, зачем я приехал в этот чертов город. Зачем гостиницу эту приобрел – нет объяснения.

Ведь бежал отсюда не оглядываясь, как черт от ладана. Ненавидел все эти годы все, что связано с этим проклятым местом.

Смотрю в окно на проплывающие перед моим взглядом знакомые пейзажи. У меня сейчас только одно желание: приказать водиле развернуть тачку, вернуться в аэропорт, купить билет и свалить отсюда снова, и теперь уже точно навсегда.

– Город у нас красивый. Вечером особенно, – подает голос шофер. О, нет, только не это. Ненавижу болтливую службу. Нужно записать себе: уволить болтуна, нанять профессионала. Формат отеля сменится на люкс, и гостям не нужен будет этот колхозный шик и задушевные разговоры с челядью. – И люди хорошие.

Отвращиваюсь к окну. Люди хорошие. Бабы только твари и предательницы. Точнее одна баба. Из-за которой я и уехал отсюда. Надеюсь, этой дуры тут давно нет. Это же невозможно спустя семь лет.

– Ресторан вот тут хороший, – ввинчивается в мозг голос надоедливого мужика. Сжимаю зубы до хруста. Шикарный ресторан, это точно. Именно тут Дашка меня и сделала рогатым. А я ведь шел к ней с кольцом в кармане, дурак наивный. Цветы еще купил, как порядочной. Жизнь хотел прожить с этой дрянью. Слава богу, глаза открылись раньше. Хорошо. Кем бы я стал, останься тут с дешевкой, которая при первой возможности прыгнула на рыбку покрупче? – А вот и наша гостиница.

Я молча выбираюсь из машины. Нужно будет купить пару авто представительского класса. Сто лет не ездил на таких рыдванах. Убогие все. Все вокруг просто отвратительное, до оскомины. Хотя...

– Заждались, Игорь Владимирович, – бросается мне навстречу ослепительная баба. Райская птичка. Грудь искусственная, туго обтянута белой тканью полупрозрачной блузы. Юбка-карандаш настолько в обlipку, что кажется, вот-вот треснет по швам. Ноги длинные, подчеркнуты головокружительными шпильками. Блондиночка, скорее всего ужасная стерва. Но улыбка... – Я Светлана – управляющая этого отеля.

Я уже понял, судя по бейджу в золотой окантовке, приколотому к ее головокружительной груди. А еще я понял, что управляющей она стала не за трудовые заслуги и моральные качества, судя по посылу и острому язычку, которым она пробежалась по надутым губкам.

– Люкс, ужин и меня не беспокоить, – ухмыляюсь я. С личика красотишки сползает радость. Она что, думала, что я ее в первый же вечер повышу? Смешно. Красиво, но дешево я не приемлю. – Предупредите персонал. И учтите, я редко бываю милым, когда мои приказы не выполняются.

– Хорошо, я предупрежу горничных, – скалится Светлана. Может, все-таки расслабиться с ней, отступить от правила «не гадить на рабочем месте»? Этот проклятый город будит во мне придурка. Мерзко. – А на завтра у нас запланирован небольшой сабантуй. Обслуга хочет познакомиться с новым шефом, ну и...

– Вы серьезно? – приподнимаю бровь. Нет, это точно колхоз «Светлый путь». Гулянка с челядью. Дальше уже падать некуда.

– У нас хороший коллектив. Есть правда некоторые экземпляры... Но в целом люди у нас хорошие.

– Это я уже слышал. Водитель сообщил. Кстати, его рассчитайте. Человек, не умеющий молчать, непрофессионален. Ужин, – напоминаю я красотке, которая сейчас смотрит на меня совсем без вождения. Ей явно не нравится мой посыл. А и плевать. – Выполняйте. Ну...

– Но водитель мой дядя, – шурит очи управляющая. Похоже, она сейчас на злую кошку.

– И? Выполняйте. Или я вас растряхаю до старшей смены.

– Прикажу Дарье принести вам ужин.

– Найди бабу с другим именем. Ненавижу имя Дарья, – морщусь я. Улыбка на личике Светланы становится змеиной.

Иду к лифту, чувствуя спиной взгляд управляющей. Господи, ну зачем мне этот сарай с призраками, на которых похожи испуганные служащие?

Я сюда вернулся для чего? Ответ на поверхности. Я хочу освободиться от прошлого, усиленно возвращаясь в него. Так мне посоветовал мой психолог. Только вот выглядят мои потуги бессмысленными и скрипучими. Кому я что доказываю? Дашке, которой на меня плевать. Она уже думает обо мне забыла. Наверняка замужем, наверняка мать, наверняка живет припеваючи с придурком-папиком.

Дашка-чебурашка. Толстая, неуклюжая, конопатая. Я встречаться-то с ней начал из жалости. Пожалел волк кобылу, только она от него оставила один хвост.

Выдыхаю, трясущей башкой как конь. Лифт скрипит, как телега несмазанная. Ключ в руке допотопный. И еще корпоратив этот. Я могу послать всех к черту, но от чего-то сверхъестественно хочу на это идиотское мероприятие. Чтобы отвлечься что ли? Хрен его знает. А потом все-таки затащить в люкс Светлану со всеми вытекающими.

– Охренеть, – хмыкаю, рассматривая «люкс». Свет лучше бы не включал. Вот это я себе нажил головняков. Ради того, чтобы совсем не прыснуть флягой, по совету психолога. Надо его будет сюда привезти и заставить пожить. Ему самому психолог понадобится. А мне прямой путь после шика такого к психиатру. Красные стены, бордовые портьеры, кровать в форме сердца. Какая-то странная кушетка непонятного предназначения, выгнутая вся, словно под воздействием тунгусского метеорита. Будуар для плотских утех в дешевом борделе выглядит наверняка скромнее. В голову запускает щупальца адская мигрень.

– Всего один день, – напоминаю я себе. – Только один. Завтра я как-нибудь переживу адский бал, а потом возьму отпуск, съезжу на острова. А этот отель... Снесу к чертям собачьим и построю на его месте торговый центр, ну или просто сравню с землей.

Глава 3

Дарья – после корпоратива

– И ты позвонила и сказала, что у тебя болит живот? – хмыкает Томка, азартно жуя печенье.

– И нога, – угрюмо киваю я.

– Классная идея. Взрослая, обдуманная. Решение сильной и независимой женщины. И ты, конечно, позвонила мегере Светульке.

– Лариске, – снова вздыхаю.

– Точно. Лариске. Напарнице своей. Лариске-сплетнице. У которой в голове ветер, а кое-где дым. Идеально.

– А что ты предлагаешь мне? Что? Даров там. Даров, ты слышишь? И я его вчера опозорила перед всеми. Думаешь, он простит мне такое? Да я уже наверняка уволена. Сходить, чтобы он в очередной раз меня с грязью смешал? Да я... Ненавижу его. Ненавижу, – сиплю я тихо, чтобы не услышал Ванюшка.

– Когда человек столько раз повторяет слово «ненавижу», значит, он чувствует что-то совершенно иное, – шурится Томка.

– Дура совсем? И вообще, он уедет завтра. Он уедет, я останусь. И всё будет как раньше.

Не будет ничего как раньше. Я это понимаю. Томка понимает. И она права. Я его не ненавижу. Думала, что смогла, а вчера увидела его – и в душе всё всколыхнулось. И это самая чертовская проблема. И слава богу, что у моей подруги хватает выдержки и ума промолчать. Иначе я просто рехнусь.

Господи, он уедет. Пусть уедет. Я снова не буду о нём вспоминать, и всё наладится.

– Ну, раз ты у нас сегодня самый больной человек на свете, Ванюшка твой. Мне тоже иногда надо на работу ходить, а то там скоро забудут, как я выгляжу. А я же красотка. Это непорядок, – Томка уже моет чашку, стоя у раковины спиной ко мне. – Кстати, звонила ваша Валентина Петровна, в саду карантин. А классная вы парочка – симулянтка и карантинный хоккеист. Кстати, ты бы записала мальчишку на секцию. Финансово потянем, я думаю. А то он вчера дверцу у шкафа расколотил шайбой. Голкипер растёт. Или как там у хоккеистов называются забивалы?

– Забивалы, – кривлюсь я в горькой улыбке. Даров – забивала. Забил на меня и уехал, оставив одну. А теперь просто снова ворвался в мою размеренную жизнь и снова её ломает. И мне плевать на то, что он делает с моим существованием. Я боюсь за сына. Если Даров узнает про Ваньку, он разрушит и его. Потому что всё, чего касается этот человек, рассыпается в пыль. – Том, зачем он приехал?

– Эх, – машет рукой Томка.

Я так и сижу на дурацкой дешёвой табуретке. Слушаю стуки, несущиеся из детской. Ванька шайбой разбил не только шкаф. Слышу, как уходит Томуська, тихонько захлопнув дверь.

Сил нет. Выплеснула вчера остаток на Дарова.

– Ма, ух ты. Мы с тобой сегодня знаешь сколько интересного напридумываем, – Ванюшка в кухню врывается словно маленький вихрь. – А давай пиццу испечём.

– Испечём, – поправляю я на автомате.

– И погуляем, да? А потом...

Что потом, я не успеваю услышать. Телефон разрывается истерично и яростно одновременно. О, нет. Только не это. Ну... С моим везением...

– Дарья, у нас аврал, а ты не явилась, – впивается мне в ухо разъярённый голос Светланы. Ну а чего я ожидала? – Чтобы через полчаса была на работе. Быстро. А то уволю к чёрту, без выходного пособия.

– Но... Это... У меня в саду карантин, – позорно влею я. Уволит. Она давно ищет повод от меня избавиться. А тут столько и сразу. Конечно, уволит с согласия Игоря Дарова. – Светлана Алексеевна, у меня живот болит.

– И больничный есть? – превращается в сахарную кобру начальница. Но тут же снова становится гюрзой ядовитой. – Нету значит. Воспаление хитрости. Ноги в руки – и в отель. Новый хозяин за сегодня должен все увидеть, и не дай бог будет в номерах сроч.

Не хочу. Я не хочу. Но пока у меня нет другой работы, не могу обречь маленького сына на голод.

Набираю номер Томки. Она не сразу отвечает.

– Том, мне надо срочно...

– Даша, у меня совещание. Закончится не скоро, – шепчет Томуська. – Не могу уйти.

Что же делать? Что? Ванюшка смотрит на меня расстроено, того и гляди заревёт. Все его планы рушатся. И во всём снова виноват герой-альпинист. Боже...

– Одевайся, Ванят. Тебе же интересно, где я работаю? – чётко говорю я, стараясь не смотреть сыну в глаза. – Посидишь там в комнате для персонала немножко. Там телек есть и конфеты.

Мне некуда деваться. Некуда. Загнана в угол. И Даров наверняка не пойдёт в каморку под лестницей. Ну каков шанс, что мой сын встретится с... С... С героем-альпинистом, блин? – А потом заедем во дворец спорта.

– Обещаешь? – загораются глазёнки моего мальчика. – Тогда я клюшку возьму с собой.

– Только без шайбы, – напрягаюсь я. Мой маленький сын способен клюшкой и шайбой ушатать дворец спорта до состояния сарая, что там ему гостиница.

– Ладно, – лучезарная улыбка у Ванюшки. Улыбка Игоря Дарова. И я тащу ребёнка в самое логово этого злобного гада, хотя до одури боюсь, что он узнает о сыне. Может, страхи мои и надуманы. Игорь не снизойдёт до шастания по комнатам персонала. Да даже если и увидит мальчика – мало ли чей он, правда же? Я пытаюсь себя успокоить. Выходит фигово. – Но шлем я надену.

– Надеюсь, хоть без коньков обойдёмся, – натужно улыбаюсь я.

– Весной? Мам, асфальт везде. На коньках неудобно сейчас... Ма, ты чего?

Не успеваем мы, конечно, через полчаса. Выскакиваем из дома спустя двадцать минут, похожие на местных сумасшедших. Я нарядная, в куртке наизнанку, домашних сапожках и шарфе с котятами. Ванька в хоккейном шлеме и с клюшкой, карман курточки топорщится подозрительно, но мне сейчас некогда об этом думать. Ваньке весело, мне страшно. Предчувствую миллиард проблем.

– А если бы у нас был папа... – пыхтит Ванька. – Он бы нас на машине отвёз. На автобусе тоже ничего. Но на джипе...

– Ваня, у нас нет папы. И нам не нужен никто. Ты слышишь? Никто, – надсадно стону, глядя в глазёнки моего мальчика. Они у него серые, с тёмной окантовкой по радужке. Дар от Дарова. Может, вернуться домой. Чёрт с ними, пускай увольняют.

– Ты врешь. Нужен! Нужен! Ясно? И я стану хоккеистом самым лучшим, чтобы папа мог мной гордиться, поняла? Если бы он живой был, он бы точно гордился.

Я с трудом сдерживаю слёзы. Притягиваю к себе покрасневшего мальчишку. Какая я дура. Ну пусть у него будет герой. Пусть выдуманный. Ведь его настоящий папа совсем не храбрый полярник. Он предатель и трус. И он сейчас сидит в пентхаусе отеля, в который тащу моего мальчика.

– Прости, – шепчу в крошечное розовое ушко. – Просто я... Я тебя очень люблю и никогда никому не отдам и не позволю обидеть.

– А я и не нужен никому, – всхлипывает Ванька.

– Мне нужен. Слышишь?

Глава 4

Игорь Даров

Бум-бум-бум-бум-бум.

Голова раскалывается, и этот мерный, отдаленно знакомый, но давно забытый стук сводит с ума. Словно по распухшему мозгу колотят молотками деревянные медведи.

С ужасной кровати в форме сердца поднимаюсь с трудом. Тело после вчерашнего падения ломит, как у удряхлого деда. Посечённый стеклом от битых фужеров зад позорно зудит. Чертова дура Дашка-чебурашка. Вот уж не думал, что в большом городе судьба может так столкнуть меня с прошлым в первый же вечер.

Бум-бум-бум-бум.

Такой звук может издавать только хоккейная шайба, ударяющаяся об стену. Глухой, мерный, отвратительный. Я не играл в хоккей с тех самых пор, как сбежал от себя и ото всех. Наплевал на тренеров, которые прочили мне спортивное будущее. Просто перевернул жизнь на сто восемьдесят, кардинально.

Черт, да откуда в этом уродском отеле шайба? Я просто с ума схожу. Скорее всего какой-то ретивый служащий забивает гвоздь в крышку своего гроба. Потому что я сейчас спущусь и подвешу его на этот гребанный гвоздь.

Бом-бом-бом.

Так стучится в двери судьба, ну или злой рок. Не хочу выходить из уродского номера. Не хочу видеть никого. Особенно женщину из прошлого, которая вчера меня уронила, причём в прямом смысле.

В пижамных штанах и с голым торсом вываливаюсь в коридор. Лифт. Грохот далекий, слышимость в этой богадельне как в дешевой новостройке – шикарная и гулкая.

Еще немного – и у меня лопнет череп. Хоть бы, хоть бы.

Спускаюсь на первый этаж. Тишина для отеля странная. Персонала нет. Не удивлюсь, если по пустынному холлу прокатится пыльное перекаати-поле. Всех уволю к черту. Всех, до единого. Включая девку управляющую и чертову Дашку. Дашку... Черт.

Иду на звук, как крыса на зов дудки.

Дешевая дверь содрогается от ударов. Сволочи. Сейчас переубиваю всех, кто помешал мне отдохнуть, а потом... Потом вызову такси, закажу билет, вернусь в свою жизнь и выверну мехом внутрь козла психолога, который за мои же деньги отправил меня в проклятый город, пожирающий души дураков-миллиардеров. Прекрасный план.

А ещё явно в этом Сайлет Хилле мозг разжижается даже у самых умных мужиков.

Дергаю на себя воротину, наливаясь огненной злостью и решимостью покрошить того, кто грохочет в капусту. Даже рот открываю, чтобы заорать.

Но тут... кажется, кто-то выключил свет. Темнота заволакивает сознание, и мир взрывается болью.

– Дядь, эй! – тихий писклявый голосок над моей головой заставляет организм поджаться. Все волосы на теле дыбом. – Дяденька, ты живой? Блин, мама меня убьёт, если ты не живой!

Открываю глаза. Капец. Галлюцинации. Прямо надо мной мордочка какого-то существа, скорее эльфа, в дурацком красном шлеме, похожем на таз, из-под которого мелким бесом выются кучеряшки. Пытаюсь сфокусировать зрение – плохо.

– Дяденька, а ты косой был же? Правда? Ну скажи, что был, – хнычет существо, мотая перед моим лицом непропорциональной лапой. – Точно мама меня прикончит. Она мне шайбу запретила брать.

– Шайбу? – сиплю я. Всё встаёт на свои места. Шайбой в лоб меня вырубил этот вредитель. Наконец могу рассмотреть напавшего. Мальчишка. Нос конопатый, шлем на нём хоккейный – дешевка. А рука огромная, потому что в перчатке. – Ты кто вообще?

– Я? Мальчик, – тарасит глаза мелкий бандит. – Дядь, держи шайбу. К шишке приложи. Она холодная.

– Слышь, мальчик, ты откуда тут взялся?

– Пришёл.

Пацан мастер невнятных ответов. Его бы на совещания моего концерна – порвал бы всех топ-менеджеров.

– Хорошо, спрошу по-другому. Ты чей вообще?

– Мамин, – скалится паразит, демонстрируя отсутствие переднего зуба.

– Ууууу, – стону я. Боль в шишке пульсирует, словно звезда во лбу горящая. Чувствую себя идиотом.

– Дядь, давай ты уйдёшь сейчас, а я как будто ничего не натворил. Чтобы маму не расстраивать, – морщит нос мальчик.

– А мама кто у нас? – зачем я принимаю его игру? Ясно, что не выиграю.

– Женщина красивая, – уверенно отвечает мелкий паразит, который свалил такого громадного быка, как я. – А ты-то кто?

– Я? Я хозяин этой гостиницы, – рычу, пытаюсь подняться. – И когда узнаю, кто твоя мама, я и тебя, и её...

– Упс, – мордашка пацана выглядит озадаченной. – Тогда шайбу отдай обратно.

– Зачем? – напрягаюсь. В глазах пацана появляется злой блеск. Или это мне глючит от сотрясения мозга.

– Я в кино видел, что у некоторых дяденек от удара по голове случается эта, как ее, “анмкнезия”. Вот. У тебя нет такого?

– Нет.

– Жалко, – супится гном.

– И ты решил меня ещё раз оглушить? Слышь, пацан, уголовником вырастешь.

– Вот и крестная мне говорит, что из слишком умных детей ничего хорошего не вырастает, ага. Но из меня вырастет. Я маме обещал, что стану хоккеистом. Чтобы папа мог мной гордиться.

– И где твой папа? – черт, зачем мне эта информация? Лежу на полу и болтаю с сопляком, который меня чуть не убил.

– Мой папа герой. Он погиб на Эвересте, когда спасал тетеньку-альпинистку. Вот, – кривит губешки мальчик. Понятно, ещё один сын полярника-космонавта.

Снова пытаюсь встать. На этот раз успешно. Голова кружится, как на карусели. Пацан мелкий, как гном. Но удар поставлен. Ему бы потренироваться... Черт, какое мне дело до чужого сопляка.

– Вань, слушай, я тут тебе... – кажется, потолок качается. Голос знакомый, родной. Пол под ногами ходуном ходит. Это она. Стоит в дверях с бананом в руке. – Какого... Вы... Какого черта вы делаете в служебном помещении? – голос Дашки звучит напуганно? Нет, она сердита, как кошка.

– Мамочка, ты плохое слово сказала, – мальчишка улыбается. – А дядя уже уходит.

– Мамочка, значит, – шурюсь я. – Плохая ты мамочка. Сына оставила одного. Он чуть мою гостиницу не развалил. Мою. И я могу быть в ней где угодно.

– Мама хорошая, – выступает вперёд пацан. У меня предчувствие, что теперь он меня отработает клюшкой. Защитник, блин.

– А вот это точно, – хмыкаю я. – Иначе бы не приехал в эту богадельню. И не получил бы в лоб шайбой. Слушай. А геройский папаша всё-таки свалил? Неужели не оценил твою жертвенность? А пацан-то от него, или у тебя ещё были те, кто тебя попользовал и бросил?

– Да пошёл ты, – шипит Дашка. – Увольняй меня. Лучше с голоду сдохнуть, чем под твоим началом...

– Правильно, ты снова под другого поднырнешь. Натура у тебя такая б...

Да что ж такое-то? У меня морда что, казённая что ли? Бананом, по мордасам. Давлюсь последним словом.

– Мамочка, а я его шайбой ухайдокал. Прямо в лоб. Мало...

– Пойдём, Ванька. Господи, откуда ты слов таких набрался?

– Тётя Тома научила. Мам, а ты что, этого дядьку знаешь?

Глава 5

Дарья

– Видала у него татушку, ма? Вот тут, на плече, – Ванятка тычет пальчиком на свою ключицу, восторженно сияя глазенками. – Там бульдо с зубками. Видала? Дядька тоже хоккей любит. Это нашей городской команды талисман, эта собака.

Видала. Даже помню, как Игорь её набил. И почему тоже помню. После травмы. Он сломал ключицу, я буквально заставила его поехать в травмпункт. Под клыком у татушного бульдога рваный старый шрам. Зашили плохо разодранную кожу.

Я всё помню. До мельчайших деталей. Лучше бы забыла. Дура. Ребёнка своего сама отволокла в пасть проклятого бульдога.

– Татушку не видала. Зато видела, как ты разговаривал с незнакомым мужчиной. Сколько раз я тебе говорила, что нельзя болтать не пойми с кем, – господи, ну вот зачем я. Ванька ни в чём не виноват. Он просто ребёнок. И злюсь я сейчас совсем не на него, а на себя. – Вань, ну когда уже ты станешь слушаться? Я же просила шайбу не брать.

Ванька супится, вид виноватый. Смешной и трогательный. И я его не отдам никому и ни за что.

– Ну, ма. Мне скучно было. А с дядькой я не мог не разговаривать. Надо же мне было понять, что я его не до “акмнекзии” зашиб. Папа бы тоже не бросил дядьку в беде.

Я вздыхаю. Сил нет на то, чтобы сказать сыну, что папа его героический просто моя выдумка.

– Тебя теперь уволят, да?

– Нет, ну чтот ты, – горько выдыхаю. А что сказать? Что я сама уволюсь. Что нам с Ванькой придётся пока забыть про шоколадные шарики на завтрак и хоккейную секцию? Что я должна сказать сыну? Что я бегу с работы, которая нас кормит, потому что дядька, которого он вырубил – его папаша подонок?

– Далеко собралась, Дарья? – о, нет. Только не это. Противный издевательский голос начальницы настигает нас с Ванькой прямо у стеклянной раздвижной двери. А ведь свобода была так близка. – Твой рабочий день не закончен. Я тебя не отпускала. Хозяин приказал убрать его номер. Это твоя территория.

– Свет, ну пусть Лариска у него уберёт, – выдыхаю я, медленно поворачиваясь к питонихе. Лариска ей придумала кличку, которая невероятно подходит красотке. – Пожалуйста. Мне нужно сына отвести домой.

– Теть, мама не обманывает. У меня живот болит, – лучезарная улыбка Ванятки может растопить сердце любого, но не моей начальницы.

– И нога, наверное? – хмыкает Светлана. – У вас это заразное, похоже. Какая-то семейная хворь? Короче, Дарья. Я тебя не отпускаю.

– Тогда увольняй, – я ни за что не пойду убирать номер Дарова. Даже если меня расчленият, расфасуют по мешкам и раскидают по пентхаусу. Ни-за-что.

– Ма, ты чего. Нельзя увольняться. Нам денежки нужны, – шепчет Ванька.

– Не могу, – Светка скалитесь. Господи, да в чём дело? Она же уже полгода как спит и видит, как бы меня вышибить. – Ты же у нас мать одиночка.

– Тогда я сама увольняюсь, – что я творю. Ванюшка меня за руку дёргает. А я явно схожу с ума. Мне просто нужно сбежать отсюда, спрятаться. Ведь там, в чёртовом пентхаусе, залёт самый страшный хищник на нашей прекрасной планете. Он опаснее саблезубого тигра. Потому что он может отнять у меня самое дорогое, что есть на свете.

– Ну, твоё право. Но по договору ты обязана отработать две недели. Ты же не хочешь получить штрафы и судебные издержки. Игорь... – пауза. Господи. Он что, уже со Светланой

наладил близкие контакты? Слишком близкие. Хотя, чему я удивляюсь. Это же Даров. Ни одной юбки не пропустит. Предатель и изменщик. – Владимирович приказал сразу в суд идти при несоблюдении, – на гелевых губах начальницы змеится улыбка. Переиграла и уничтожила. Что ж.

– Пентхаус надо убрать? Да без проблем, – тоже тяну в улыбке губы. – Прямо при постояльце?

– А, да нет. У господина Дарова через полчаса встреча в мэрии. Мальчика запри в комнате отдыха. А за час отнеси хозяину пластырь. И ещё... Ребёнку на работе делать нечего, учти. Прошаю в последний раз. И отбери у своего сына шайбу.

– А что, отнести пластырь некому больше?

– Игорь... Владимирович приказал, что это должна сделать мать малолетнего преступника. Кстати. Он ненавидит толстых баб по имени Дарья, – бросает в меня последний камень чёртова кукла. Самый болезненный. Самый убийственный.

– А я терпеть не могу зажавшихся павлинов, – бурчу я, признавая полное поражение. Ну ничего. Ничего.

– Ма, если ты увольняешься, у нас же не будет денежек на секцию, – Ванюшка почти плачет.

Я тащу его по коридору. Загибаясь от чувства бессилия и злости. Этот гад Даров чего добивается. Не мог же он догадаться... Страшная мысль выбивает из меня весь воздух и остатки здравого смысла и самообладания. Гад. Гад. И сын мой лишится мечты, и всё из-за этого мерзавца.

– Вань, всё будет хорошо. Ты только посиди тихо, ладно. Я быстро уберу номер, и поедem домой.

– И пластырь понесёшь? Хочешь, я отнесу? Я же виноват.

– Нет, – я аж взвизгиваю. Никаких больше контактов Ваньки и чёртова Дарова.

Через десять минут я стою у врат в царство тьмы. Точнее, у дверей номера Игоря. В дрожащих пальцах коробочка с пластырем. Поднимаю руку, чтобы постучать. Но у меня сейчас одно желание – сбежать.

Дверь распаивается так резко, что я не успеваю даже дотронуться до дерева кулаком. Он ждал меня. В засаде сидел. Лоб у Дарова похож на распухший синий мяч. Закусываю губу, чтобы истерично не захохотать.

– Знаешь, я тут подумал... – щерится мой самый странный кошмар.

– А есть чем? Не выбило шайбой остатки мозга? – господи, что я несу? Зачем его дразню?

– Зубастая щучка? Мне нравится. Тем более приятно будет мучить тебя целую неделю. Мне тут задержаться придётся. Мэр очень просил. Хочет меня в инвесторы. Предложения интересные есть.

– Мне зачем эта информация? – выгибаю бровь. Выгляжу, наверняка, как припадошная. – И кто тебе сказал, что я тебе позволю надо мной глумиться? Вали в свою сказку и делай мозг своей Жанке. Так, вроде, звали твою подружку дешёвую? Или она тебя бросила, Даров? Не выдержала твоего раздутого самолюбования. Как я её понимаю.

– Поэтому ты одна пацана воспитываешь? Потому что понимаешь, что богатые мужики бросают толстых дур, которые...

– Да пошёл ты, – я рычу, как медведица. Боль ослепляет. Боль и унижительное желание разрыдаться. Он меня бросил, потому что я толстая. И я не нужна была ему никогда. Он просто доказал своим друзьям, что я буду бегать за ним собачонкой. Поспорил и выиграл. А я... Я просто идиотка. – Ненавижу тебя.

– Жаль. Но придётся тебе терпеть. Потому что теперь ты моя рабыня.

– Шшшшш? – я аж присвистываю от такой наглости. – Ты...

– Или ты хочешь, чтобы я заяву накатал о причинении телесных? Что будет тогда? Твоего сопляка поставят на учёт в ПНД. Тебя замордуют соцслужбы за неисполнение родительских обязанностей. Работы я тебя лишу с волчьим билетом. Поверь, всё в моих силах.

– Ну ты и... Да ничего ты не сделаешь.

– Хочешь проверить? – он щурится, а мне хочется умереть. Он не врёт и не пугает. Он хочет полного моего подчинения.

– Игорь, за что ты меня так ненавидишь?

– Я? Да брось. Действительно, за что мне тебя ненавидеть? Глупости какие. Я тебя повышаю даже. По документам ты будешь моей личной ассистенткой. Потом старшей смены сделаю, когда уеду. Я парень не злопамятный. Ещё и шлем нормальный твоему пацану куплю, раз его папаша не в состоянии обеспечить свою семью.

– У нас нет папаши, – выдавливаю я слова, сквозь сжавшиеся связки.

– А что так? Сбежал? Как я его понимаю. Так что, Дарья? Рабыней неделю или шикарные аттракционы, описанные мной ранее?

– Какой же ты скот.

– О, да, детка. Но... Ничего личного. Мне просто психолог рекомендовал развлекаться больше.

Глава 6

Игорь Даров

Зачем я остался? Явно чертов беззубый пацан вышиб шайбой из моей черепушки большую часть моего невероятно острого ума. А психолога я точно своего растерзаю, когда вернусь домой. Вытрясу из него душу. Потому что его советы просто верх циничного какого-то садизма.

Я ведь ненавижу эту толстую дуру, которая стоит сейчас так близко, с дурацким пластырем в руке. Пластырь детский, судя по коробочке, на которой нарисованы медведи в хоккейной форме. И мне бы надо её прогнать. Но я не хочу.

– Ты как был скотом, так им и остался, – морщится Дашка. Дашка-чебурашка. Она не права. Я не был скотом. Она меня им сделала. Оскотинился я после её предательства. Стал циничным и мерзким.

– Ну ты-то у нас колокольчик полевой, – морщусь, когда она дотрагивается пальцами до раны на моем лбу. По коже словно волны тока проходят. И это совсем не боль, а давно забытое чувство её прикосновений. Лёгких, почти невесомых. Я уж и забыл, как оно бывает. – Подуй, а?

– Ага, щаз. Я не дую шантажистам на раны. И возиться с тобой у меня нет ни времени, ни желания, – колючая она, как кактус, который я подарил ей на первом свидании. Господи, это было так давно, что я уже и не вспомнил бы про глупый подарок. Всплыло в памяти. Точно её беззубый сопляк мне стряхнул что-то в мозгу.

– Я похож на мальчика волшебника со шрамом на лбу? – ухмыляюсь я. Лоб пульсирует болью. И Дашка задумчиво губами шевелит.

– Лоб шить надо. Пластырем я тебе только рот твой поганый могу залепить. Слушай, отпусти ты меня. Возьми вон Светку в помощницы. Я очень плохая рабыня.

Вот сейчас. Самый лучший момент послать её к чертям собачьим. Шанс. И я...

– Ничего, постарайся стать лучшей рабыней. В твоих интересах, – шанс я свой упускаю. Дурачина-простофиля. Надо было дать ей пендаля под толстый зад. Она же всегда была не в моем вкусе. Неуклюжая. Вся какая-то округлая, конопатая. Косолапила, как медвежонок. Заучка очкастая. Ну да, я поспорил с парнями, что она в меня втюритя и будет за меня учиться, пока я гоняю шайбу. Думал, будет легко её подчинить. Ошибся. Она меня переиграла и уничтожила. Она меня согнула в бараний рог. Теперь моя очередь.

– Учти, все твои прихоти выполнять не стану, – упрямство в её глазах это вечное дурное. Дрянь такая. Бесит.

– То, о чём ты мечтаешь, детка, я не стану просить. Не люблю места общего пользования. Для плотских утех я найду что-то более приемлемое. Баб красивых вокруг валом. Светку вон приласкаю. Она не против, – в голове мутится от злости. Рот открываю, чтобы заорать, потому что пластырь она мне прилепляет с хлопком. Боль такая, что из глаз искры. Даже завопить не получается. Хриплю, как туберкулезник. – Сука.

– Вот и вали к Светке. А от нас с Ваней отстань. Кобель, – шурится эта дура. Черт, лоб разламывается. Меня в мэрии ждут, а я похож на бомжа из подворотни. И во всём виновата эта гадина и её личинос беззубый.

– Я тебя... – шиплю, глядя, как она спокойно идёт к выходу из номера. – В бараний рог... Я тебя... Не отпускал. Ты будешь подчиняться.

Она что мне показывает? Она палец мне... Ооооо...

– Шапку мне найди, меня в мэрии ждут.

– Шапку? Слушай, Даров, ты никогда умом не блистал. Но сегодня просто бьёшь все свои рекорды.

– Лоб прикрыть. Не могу же я с синим лбом ехать к мэру, – сил нет уже даже исходить ядом.

Она уходит молча. Я валюсь на чертову сердечную кровать. Вот не могу понять, кто-кого? По ощущениям я проиграл. По её реакции... Она боится, и это ужасно вкусная её эмоция.

– Арфы нет, возьмите бубен, – вредный голос Дарьи заставляет меня вздрогнуть. Когда она успела вернуться.

– Тебя стучать не учили?

– Рабыни не стучат, о лучезарный, – в меня летит чертов красный дешманский шлем пацана, похожий на расплющенный таз. – Будешь просто неотразим.

– Ты издеваешься? – рычу, как зверь.

– Ну что вы, господин, я выполняла ваши поручения. Нет шапок сейчас. Не сезон. Или шлем, или поварской колпак. Я подчинилась, как вы велели. А теперь, простите. Рабочий день мой подошёл к концу. Договора на оказание услуг рабыни у нас с вами пока нет. Так что... Счастливо вам сходить на приём.

– Дарья, – повышаю голос. В голове рвутся петарды. Весёлые такие, искристые.

– Игорь, правда. Зачем тебе это? – она устала. И этот налёт стервозности – просто маска, за которой она прячется. Жалко мне её? А ей меня было жалко? Злость пульсирует в крови. – Почему ты надо мной глумишься? Я ведь ничего дурного не сделала. Просто уволь меня. Пожалуйста.

Она издевается? Она не сделала. Да она меня выпотрошила, освежевала наживо семь лет назад. Я чуть в себя пришёл. Еле выкарабкался. До сих пор к мозгоправу хожу чаще, чем на работу. Я ненавижу её. Ненавижу. Видеть не могу. Но и отпустить нет сил.

– Нет, – щерюсь до боли в челюсти. – На сегодня свободна. Попробуй не вернуться. Выполню все свои обещания про соцслужбы и ПНД. Власть давай. И ещё. Ещё раз позволишь себе вести себя так, как сегодня, накажу. Опа. Вывел. В глазах Дашки злые слёзы. Боже. Кайф какой. АП мой психолог не такое уж и фуфло. Настроение летит стрелой вверх. – И Светульку мне пришли. Что-то захотелось расслабиться.

Она влетает из номера пулей. Дура чертова. Сама виновата. Только она виновата во всём. Хватаю со стола мерзкую фигурку: два тела, слипшихся в экстазе. Безвкусица ужасная. Кич. С грохотом бросаю ее в стену. При мысли о силиконовой управляющей отеля меня тошнит. Я гоню прочь ощущения от прикосновений гадины Дашки. Да что со мной такое?

Глава 7

Дарья

– Это что? Шарики шоколадные? На ужин? Правда? И сок из коробочки? Ух ты, – тарашит глазёнки мой маленький сын. У него глаза отца. Только не злые. Чистые и удивлённые. И я не знаю, как его спасти и укрыть от ненужной правды, которая вот-вот вырвется наружу. Права была Томка. Зря я врала Ваньке о героизме его отца.

– Ма, ты же говорила, что у меня попа слипнется от такого. Что это даже на завтрак кушать нельзя.

– Иногда можно. Ешь, пока дают, – хмыкает Томка, доставая из ящика любимую Ванюшкину ложку с медвежонком. – Не угодишь на тебя. И за что, скажи, дорогая, такие плюшки беззубому хоккеисту? – переводит на меня пытливый взгляд подруга.

– А я дядьку сегодня вырубил противного. Прямо шайбой в лоб, – набив полный рот вредной вкусняшкой, бубнит Ванятка. – У него такая шишара выросла, как у Хеллбоя. Только одна и посередине. Прямо вот тут, – в лобик тычет пальчиком мой сын.

– Козла? – спрашивает Томка, когда Ванька, заглотив свой ужасный ужин, уносится в детскую, откуда тут же разносятся звуки его любимого мультфильма.

– Что?

– Я говорю: твой сын вырубил своего папашу? – щурит ясные очи подруга. – Ты всё-таки поволокла его с собой на работу?

– А куда мне деваться было, – выдыхаю я. Ну да, я дура. Я сама нажила проблем и себе, и сыну. Но... – Хотела как лучше.

– Вышло как всегда, – говорит Томка истинную правду.

– Он сказал, что напишет заявления. Что Ваньку у меня отберут, потому что мать я такая же, как и человек-женщина. Что сделает так, что моего мальчика поставят на учёт. И он станет уголовником. Том, мы уедем, наверное. У меня домик остался от бабушки, ну помнишь... Пересидим там. Ну не будет же он искать меня? Он же просто решил поглумиться.

– Ага. Давай. Лиши сына мечты. Где он там в деревне станет хоккеистом? Будет хвосты крутить коровам. Знаешь, лучше уголовник, чем алкаш-тракторист. И сама превратишься в колхозницу, которая от каждого шороха трястись начинает. Ты вот мне объясни, Даша. Я не понимаю. Ведь это он тебе изменил. Он сбежал, поступив как трус. Почему ты-то чувствуешь вину какую-то? Почему ты должна бежать? Он козёл. И как юрист тебе говорю – хрен у него что получится. Ты прекрасная мать. Ваня – обычный ребёнок. В саду характеристики только положительные. Дома у вас порядок. Никто не сможет забрать у тебя сына. Никто...

– Даже родной отец? У которого куча денег, связей и возможностей? – выдыхаю я то, чего боюсь больше всего на свете. – Я боюсь, Томка.

– Чего? Откуда бы ему узнать? Ты же ему не расскажешь? Я точно буду как рыба молчать. А больше никто не знает.

– Никто, – шепчу я тихо. Но я-то знаю. И этого достаточно. Он же его копия. Надо быть дураком или слепцом... – И ты права. Я просто завтра не пойду на работу. Позвоню Жанне. Пусть мне больничный выпишет на эту чёртову неделю. Никто не может меня заставить работать больной.

– Наконец-то. Да здравствует разум, – Томка поднимает бокал с молоком, словно чокнуться собирается с воздухом. – А я пока позвоню Эдичке. Ну... Короче, он полицейский. Мы с ним познакомились в суде, когда я документы туда отнесила. Эдик – капитан. Ну, в общем...

Я не буду рабыней Дарова. Снова суну голову в песок и всю неделю буду задорно торчать задом к небу. Он уедет раньше, не получив желаемого. А я...

– Больничный тебе будет уже с сегодняшнего дня. По поводу угроз твоего хмыря – там есть, конечно, возможность, что он создаст тебе проблемы. У него телесные, Эдичка сказал. Не дай бог сотряс. Зная Ванькины умения, не удивлюсь. Если снимет побои, может, конечно, нагадить. Но я попросила Эдика. Он руку будет на пульсе держать. Справимся.

Справимся. Я сижу, уставившись в одну точку. Он меня предал. Он мне изменил. Он сбежал.

– Одни проблемы от тебя, Даров, – стону я про себя.

– Ма, там в дверь звонят, – Ванюшка влетает в кухню, как вихрь. – Я спросил, кто там. Но мне не ответили. А до глазка я не достаю. Тома на мою табуреточку поставила сумку. Я её снять не смог.

– Кого там принесло, – вздыхаю я. Томка снова с кем-то по телефону болтает. Иду в прихожую. Поворачиваю в замке ключ бездумно, словно под гипнозом.

– А меня ругаешь, если я в глазок не смотрю, – радостным голосом учит мать жизни сын. Но я почти его не слышу, потому что...

– Телефон я тебе не разрешал отключать, – Даров. Господи, какого лешего? Как он... – Я в гости, если что. Хочу чаю и яичницу. В гостинице её готовят препоганейше. Ты же не хочешь, чтобы я сдох от язвы. Хотя, судя по взгляду, смерти ты мне желаешь лютой, я ведь прав?

– А я не приглашала, – игнорирую идиотский вопрос, глядя на самую ужасную ошибку в своей жизни. – Зачем приехал?

– Шлем вернуть. Он мне мал. Кстати, в мэрии мой лук оценили. Я был самый модный там, – ухмыляется Даров. Но глаза его при этом остаются ледяными и колючими. – И напомнить, что ты на меня работаешь.

– Я на больничном. Работаю я не на дому. Есть субординация, вам бы надо это знать. Незваные гости сами знаете хуже кого. Яйца на вас переводить – много чести. А шлем... Может, у вас лишей стригущий или ещё какая хворь, которую вы могли подцепить от связей неразборчивых. Вши, например. Так что засуньте себе этот шлем...

– Это у меня неразборчивые? – о, как же он зол. Глаза сверкают в полумраке коридора, аж оскалился. – У меня? Ах ты...

– Тут ребёнок, – зачем я его дразню? Злю зачем? Нет у меня ответа. Может, решила, что он сбежит? – держите себя в руках.

– Ты как была страшилкой и дурой, так ей и осталась, – шипит Даров.

– Что ты пристал тогда ко мне?

– Эй. Ты чего там маме моей сказал? – звонкий голосок моего сына звучит словно выстрел. – Ты как её назвал? Ещё один рог хочешь, дядька злючий?

Мой мальчик стоит рядом со мной, сжав кулачки. И у меня сердце обрывается, когда я вижу, на что смотрит чёртов скот Игорь Даров.

– Уходи, – сиплю умоляюще. Он разворачивается молча. И от этого мне ещё страшнее.

Глава 8

Игорь Даров

Мало ли на свете мальчиков с родимым пятном на лбу в форме сердца, которое проступает от злости? Красная, почти винного цвета отметина, которая страшно портит жизнь в юном возрасте. Их-за которой тебя дразнят и называют “Лав из” и курчавым Купидонычем. Из-за которой ты постоянно влазишь в драки, отбивая у соперников желание тебя обзывать и глумиться.

Мало ли... Я знаю только пару таких людей. Мне эта гадость досталась от отца, что б его, космонавта.

– Игоречек... Владимирович, – назойливой мухой жужжит управляющая моим отелем Светлана. Прижимается к моему бедру своим. Задница у бабы просто огонь. Судя по упругости, Светик не вылезает из спортзала, судя по обтянутости юбкой, на меня она открыла охоту. – Мэр звонил, спрашивал, понравилось ли вам предложение? Приглашал в гости, встретиться в неформальной обстановке. Банька там, бильярд. Я могу вас сопровождать.

– В баньку? – ухмыляюсь я противно. Это даже хорошо, что эта стервоза меня сейчас отвлекает от дурацких мыслей.

Мало ли на свете пацанов с родимым пятном на лбу, которым проклята моя семья по мужской линии?

– Ну, если вы прикажете, – хлопает ресничками чертова кукла. Хороша бабенка. Доступная, холеная, всё, что нужно для того, чтобы вымарать из головы дуру Дашку и её мальчишку. – У нас в отеле есть сауна для солидных клиентов.

– Сауна? – приподнимаю бровь. Господи. Я как будто в дыру во времени провалился. Где “солидными” считаются быки в золотых цепях. Этот город ужасный, весть вот такой. Застывший в прошлом, выход из которого стоит очень дорого. – Массажного салона в подвале нет у вас тут случайно?

– Нет. Но я могу вас промассировать, – облизывает губки острым язычком Светлана. – Я заканчивала курсы. Игорь...

– Владимирович, – ухмыляюсь я. А что? Она вполне может помочь мне отвлечься от идиотских мыслей. Пацан не может быть моим. Это невозможно. Я не могу иметь детей. Свинкой в детстве переболел, она дала осложнения. И залетела он от... Тьфу ты, ненавижу... – Мой номер не убран. Пошли туда ту толстую горничную.

– Она на больничном, – скалит белоснежные зубы чертовка. Мне это надо. Надо расслабиться. Надо выкинуть из башки всякую дурь. Мне нужен массаж, ни к чему не обязывающий адюльтер и власть над этой дурой.

– Вызови. Не поедет – штрафуй. Через десять минут я хочу массаж. Успеем, пока эта толстая поломойка доберется до отеля.

Смотрю на победоносную улыбочку, играющую на губах стервозы Светочки. Дура. Пустая, тупая шалава. Как и все бабы в сущности.

Голова разламывается. Лоб, заклеенный пластырем, саднит. Я зол до слепоты. На себя злюсь. Потому что всё время думаю о том, что мне не нужно. Нужно позвонить психологу. Хотя... Всё ведь достаточно просто. Надо просто собрать манатки и уехать в понятную мне, привычную жизнь. Где нет напоминаний о прошлом, дешевых Светок и конопатых мальчишек-хоккеистов, беззубых и пятнистых. А забывать я умею. Научился. Учительница мне попала шикарная.

Кровать эта мерзкая. Слишком мягкая. Я не отдыхаю на ней.

– Игорь, – тихий голос управляющей выдергивает меня из бредовой полудремы. Открываю глаза.

– Владимирович...

– Конечно, Игорь Владимирович, вы готовы к массажу?

Готов ли я? Она-то точно подготовилась. Блузка расстегнута настолько, насколько позволяет подобие приличия, резинки чулок мелькают в слишком откровенном разрезе юбки. Волосы распустила. И духи... Приторные, слишком навязчивые, тяжёлые. Арабские, наверняка. От чего-то такие, как эта красotka, считают их притягательными. Чертова баба ими облилась.

– Ты вызвала горничную? – спрашиваю я, когда пальчики подчинённой пробегают по моим плечам.

– Ну, зачем сейчас о работе? – капризно тянет Светлана. – Шеф, давайте мы вас расслабим, а потом...

– Я задал вопрос, – почти рычу. Массаж баба делать не умеет.

– Она не придет. Но я пришлю сюда её напарницу, – стонет мне в ухо управляющая этой богадельней. – И оштрафую наглую нахальную мерзавку на половину зарплаты. Я давно её уволить собиралась.

– Да и черт с ней, – выдыхаю я. Так лучше. Так правильно. Уволить и забыть. Может психолог на это и рассчитывал, отправив меня в прошлое. Откидываюсь на подушку. Я тут царь и бог. Хозяин положения. Я...

Дверь распахивается слишком резко с грохотом. Я подскакиваю на кровати, отталкиваю от себя Светлану. Когда она успела стянуть с себя юбку и блузу? Тянет из-под меня уродливое алое покрывало. А я смотрю на Дашку, одетую в униформу, застывшую в дверях с тележкой для уборки. И вижу в её глазах что-то ужасно знакомое. А щеки у неё цвета помидора. Она всегда вот так краснела реактивно. Кожа слишком белая у неё, почти молочная, и все эмоции сразу на лицо.

– Вы... Ты... Простите. Я не...

– Какого лешего? – шипит Светлана. – Тебя стучаться не учили? Обнаглели совсем.

– На двери не было таблички «Не беспокоить». Я подумала, что нет никого. Я...

Поднимаюсь с кровати. Лоб пульсирует болью. Тело гудит от напряжения. Дашка отводит взгляд. Так же она смотрела и тогда, семь лет назад. Целую жизнь назад.

– Ты же сказала, что не приедешь, – хриплю я.

– Побоялась лишиться половины зарплаты. Штрафы лечат лучше лекарств, – кривит губы женщина из прошлого. Они у неё обветренные, с красной каёмочкой по контуру. Настоящие.

– Или испугалась? – шурюсь. Не умею я её читать. Закрыта от меня. В глазах ненависть. В руке пипидастр, блин. Так кажется, эта метелка называется.

– Чего? Вы очень высокого мнения о своей демоничности. Я зайду позже. Почисти номер. Не буду мешать. Прошу прощения. И... Я стучала. Но вы, вероятно, были слишком заняты. Так что можете продолжать.

– Спасибо, что разрешила. Мы со Светиком отождем, уж будь уверена.

– Удачи, – она разворачивается слишком резко. Толкает свою тележку с грохотом. Почти убегает. Талия у Дашки тонкая, а бедра широкие. Раньше это меня сводило с ума. А сейчас...

– Я не поняла, вы знакомы? – тянет Светлана. Черт, она отвратительная. Искусственная вся. Силикон этот... Как грелка резиновая. – Милый, ну иди ко мне.

– Вон пошла, – цежу я сквозь зубы. Голова сейчас лопнет.

– Что?

– Я сказал, проваливай. – Почти стону. – Фуфлво ты делаешь массаж.

Глава 9

Дарья

– Светка рвет и мечет, – тарашит глаза Лара, болтая в чашке с чаем размокшим печеньем. Меня начинает тошнить при виде распухшего бисквита. – Тебя искала, я сказала, что ты в прачечную пошла. Орала, как Годзилла, клянусь. А мистер Твистер наш в машину сел и усвистал. Водителя послал на три веселых буквы и так рванул с места, будто ему перца на одно место сыпанули. Короче, не советую тебе пока на глаза нашей мымрятины появляться. Слушай, а что случилось-то?

– Да ничего особенного. – Выдыхаю я. Перед глазами стоит картинка, виденная мной в номере Дарова. Тошнит начинает еще сильнее. Прямо до оскомины. – Просто я дура.

– Пффф, Америку открыла, – хмыкает Лариска. – Тут у нас все, кто не дурак, тот идиот. Нормальные-то люди не станут спину гнуть за копейки, да еще под иглом начальницы Светулька. Я вообще не понимаю, что ты тут делаешь с высшим-то образованием. Ладно, у меня три класса и два коридора. Ладно, идти надо. Мне номер красавчика чистить поручено.

– Кого? – стряхиваю с себя странное оцепенение. Ну что меня так поразило? Я же прекрасно знаю цену Игорю. Что могло меня удивить или поразить? Он как был подонком и скотом, так им и остался. Но почему же мне так мерзко? Почему?

– Ну, хозяина нашего нового. Он ничего так. Зад – орехи колоть можно. Брутальный. Конечно. В нашем Зажопинске нет таких. Эх...

– И слава богу, – морщусь, словно от зубной боли. Мне неприятно то, что говорит моя напарница. Мне отвратительно и противно от увиденного в номере – такие самые мерзкие и опасные.

Я знаю, что говорю. Я знаю. Опасность – это не когда бьют. Опасность – это когда улыбаются и ломают тебя медленно. Через колено. Со вкусом. С удовольствием.

– Говорят, – сбивается на шепот Ларка. Сплетница она первостатейная. Главная в нашей богадельне. – Что этот, Даров, раньше в нашем городе жил, а потом сбежал, потому что его какая-то баба бортанула. И теперь он всех женщин не того-этого. В общем, Танька, ну, тетя Глашина внучка, училась на соседнем потоке с Женькой, а он знал тренера по хоккею, дядю Славу. А дядя Слава тренировал команду, в которой играл приятель Дарова. И этот приятель сказал, что Игорь этот, короче, он влюблен был в какую-то овцу, а она ему изменила с сыном ректора. А Даров...

– Хватит, – прерываю я Ларкин бред. Это он мне изменил. Он меня предал, бросил, унизил. Смотрел с насмешкой, когда я его застала с первой красавицей универа. Целовал её, лапал, ласкал. И делал это специально, напоказ. Наслаждался моим унижением. – Собираешь всякую гадость. Язык у тебя, Лариска, как помело. Ты бы работала так, как треплешься. Цены б тебе не было.

– А чего я? Ничего и не сказала особенного. Вот интересно, куда он так ломанулся? От нашей Светки еще никто так не сбежал. Явно что-то его гнало.

Гнало. Господи. Нет. Только не это. Хватаю телефон. Пальцы не попадают по кнопкам. Я определенно схожу с ума. Страшно до одури.

– Чего тебе? – наконец откликается мобильник голосом Томи.

– Вы дома? Том, если Даров приедет...

– Мы в спортивном комплексе, – перебивает подруга. – Твой сын просто разрушитель. Пришлось тащить его на лед, пока он не разгромил фатеру. Кстати, люстре твоей фамильной – как. Она мне никогда не нравилась, так что я не расстроилась. И это... Коньки новые надо. Эти малы уже. Скоро как волк в мультике будет пальцами наружу. В общем, не морочь мне голову. Я сейчас с тренером пойду говорить. Может, возьмет он Ваньку пораньше, а то ты

рискуешь остаться без жилья. А я без психического здоровья. Не знаю, что хуже. Деньги есть у меня, так что не парься.

Я дышу, слушая Томкину трескотню. Раз-два-три. Слава богу, они не дома. Раз-два-три. Я сейчас поеду в спорткомплекс, заберу Ванятку. Что я навдумывала? Даров не знает о сыне. Он ему не нужен был все эти годы. С чего я решила, что сейчас он вдруг воспыхает. Да и не узнает он, что я родила от него Ванюшку. А то, что он на лобик моего мальчика смотрел... Мне просто показалось. ПРОСТО ПОКАЗАЛОСЬ.

Вдох-выдох. Раз, два, три.

– Ух ты. Теть Том, смотри, как дядька круто катает, – слышу я далекий восторженный голос моего мальчика.

Застываю.

Дядька.

Какой дядька?

Воздух снова становится густым.

Нет.

Только не это. Этого просто же не может быть. Глупость. Просто какое-то совпадение. Мало ли дядек катается на коньках в рабочее время в спортивном комплексе.

– Ладно. Даш, некогда мне. Пойду, пока Ванька не ухайдокал крутого дядьку своим неумным восторгом, – хмыкает Томка. – Кстати, мужик так ничего. Правда лица не видно, но фигурка...

– Том, не оставляй Ванятку одного, – хриплю, но Томка уже меня не слышит. Сбрасывает. Мне срочно нужно к сыну. Просто убедиться, что все мои тревоги надуманы.

Бегу к выходу, даже не переодевшись. Подумаешь, в униформе горничной и белом дурацком фартуке, в котором похожа на рабыню с фазенды.

– Дарья, – словно хлыстом в спину бьет меня злой голос управляющей отеля. – Ко мне зайди. Быстро.

– Не могу. Мне некогда. У меня сын... – выплевываю я, даже не пытаюсь остановиться. – Свет, я на больничном, вообще-то.

– А будешь уволена, если не сделаешь так, как я приказала. Быстро в кабинет ко мне.

– Увольняй. – Мне плевать на работу. Мне не плевать на сына. Сдираю фартук, бросаю на плохо вымытый пол. Ларка халтурщица. – И не переживай, я буду нема как рыба. В конце концов. Меня вообще не интересует ваша личная жизнь.

– Дарья. Я комцу сказала. Я приказала...

– Да пошла ты, – бубню под нос. Светлана не слышит, конечно.

Я уже выскакиваю на улицу. Свежий воздух слегка меня приводит в чувства. Господи, ну почему, как только на горизонте появляется Игорь Даров, моя жизнь летит в тартарары? За что?

Потому что он снова здесь. И я знаю – это только начало.

Глава 10

Игорь Даров

Я на коньках не стоял бог знает сколько лет. Бог знает, и я знаю. Семь лет. Ровно столько, сколько думал, что не вернусь в этот город, в это прошлое дурное, выламывающее, выворачивающее наизнанку.

Ничего тут не меняется. Даже каток все тот же. Весь в трещинах и буграх. Ноги слушаются с трудом, когда я разгоняюсь и наконец начинаю дышать. Вхожу в режим автомата. Скорость приводит в чувство. И чертов презрительный взгляд Дашки-Чебурашки, которым она меня прожгла недавно, преследовавший меня все время, пока я бежал из гребаной гостиницы, наконец выветривается, рассеивается.

Мне не нужен никто. Ни Дашка, ни этот отель, ни мальчишка, который не мой со сто процентной уверенностью. А пятно на его лбу... Ну, совпало. Я просто уеду прямо завтра. Зачем мне инвестировать в то, что я ненавижу. В город этот, в мэра с его банькой и громадными запросами. Все просто, предельно просто. И на душе сразу становится легко и спокойно. Прав был психолог, я должен был сюда вернуться, чтобы понять...

Мысль замирает, когда я вижу маленькую фигурку, кубарем несущуюся прямо на меня. Ребенок явно давно катает, потому что пытается затормозить, но выходит у него прямо ну очень фигово. Я даже крикнуть не успеваю, когда он в меня врежется на полном ходу. Долгое отсутствие тренировок сказывается. Нас ведь учили группироваться.

Но... То ли от неожиданности, то ли от того, что заостенел за семь лет, я падаю во весь рост, даже не успев оцифровать распухшим мозгом ситуацию. Боль в ноге такая острая, что мне кажется, потолок катка переливается ярмарочными огнями. Хорошо еще, что я шлем на голову нацепил. Потому что башкой я приложился тоже знатно.

– Я не хотел. Правда, – копошится прямо на мне чертов сопляк. Вот уж везет мне в последнее время на мелких гаденышей. – Просто коньки... Ну, малы мне немного, и я не рассчитал. Дядь... да что же это. Мама меня убьет.

Слова до меня доносятся словно сквозь вату. И стойкое чувство дежавю раздирает разламывающуюся голову. Все что ли мелкие поганцы так боятся своих мам?

Пытаюсь пошевелиться. Выходит ужасно. Нога, похоже, сломана в лодыжке. Многострадальная башка вот-вот треснет, как перезрелый арбуз.

– Дядь, ты чего молчишь?

– Да пошел ты, – сиплю я, борясь со скачущими в глазах веселыми солнечными зайцами. Откуда бы им тут взяться.

– Вы бы так не разговаривали с моим крестником, – женский голос кажется мне звуком циркулярки. Противный, аллес.

– Вообще-то твой сопляк чуть меня не убил, – хриплю я, пытаюсь собраться в единое целое.

– Это спорный вопрос. Вы взрослый мужик. А он ребенок.

– Следить надо за своими детьми, – переворачиваюсь на живот. Боль в ноге сияет и переливается. Ползти на глазах у вредной бабы и её ребенка просто позорище. – Отвалите от меня.

– Ой, мама пришла. Теть Том. Там мама. Слушай. Скажи ей, что я не виноват, а. А то я одному дядьке лоб расшиб, второго вон вообще перепрошил. Ну, тетя Томочка.

О, боже. О нет. Только не это? Это не может быть по-настоящему. Я сплю, и мне снится затяжной кошмар. Этот город просто питается моими чувствами. Ему нравится высасывать меня по капле.

– А ты и не виноват. Этот идиот сам не соблюдал технику безопасности. Это надо так носить. Тут детей полно. А если бы вы коньком моего мальчика? А если бы...

– Вообще-то этот мальчик меня уронил. В каком аду таких производят?

Я все-таки ползу. Позорно на карачках. В сторону выхода. Боль становится оглушающей.

– Что тут происходит. Ваня, милый, ты упал? Где болит? Покажи, – испуганный голос из прошлого. Кажется, что и не было всех этих лет. Она так же говорила со мной, когда я получил травму во время игры. Нервно ощупывала меня, и я видел слезинки, застывшие в глазах Дашки. И я проваливаюсь в эту черную дыру ненужных воспоминаний, словно там есть спасение от боли.

– Да не, ма. Я нормально. А вот дяденьке плохо, похоже, – слова мальчика я почти не слышу. Обрывочно. Лежу на льду. Распластавшись, как распятый жук. – Дядь, эй... Ма, давай посмотрим.

Не нужно. Только не она. Не надо на меня смотреть. Просто пусть вызовут скорую и исчезнут.

– Эй, вам плохо? – вижу испуганные глаза Дарьи сквозь решетку хоккейной маски. – Болит где-то?

– Каску с него сними, – подает голос её чокнутая подружка. – Да не так. Ой, господи, горе ты мое.

Мне кажется, что мне отрывают голову. Еще немного, и эта дура повернет её до щелчка.

– Теть, Том, вы его сейчас добьете. Вот так надо, – легкое движение. И я наконец чувствую, что голове становится гораздо легче. – Ой... Опа... А как это... – хмыкает мальчик Ванечка, в которого страсть к пыткам заложена, видимо, с рождения. Ну всё правильно, кто еще мог родиться у предательницы и сукина сына.

– Ты? Снова? Какого лешего? – шипит Даршка – Чебурашка. Сияет глазами. У меня мутится в мозгу. У неё губы вишневые. И сейчас нет слез в глазах. Ей плевать на меня. А мне на неё плевать. – Ты специально, да? Ты нас преследуешь?

– Да на кой черт вы мне сдались? – почти пишу я. Нога пульсирует так, что хочется выть. – У меня чувство, что это ты и твой личинос меня хотите вальнуть.

– Не смей...

– Слушай, просто вызови скорую. У меня сломана нога.

– Ага, конечно. Так я тебе и поверила. Что ты снова придумал, чтобы мне жизнь испортить? Ты еще и симулянт. Скажи еще, что теперь я обязана буду за тобой ухаживать.

– Заметь, не я это предложил, – господи, вот дура-то. Сама себе яму выкопала. Я пока не мог даже придумать такого своим мозгом расплывшимся. – Но идея пушка. Я воспользуюсь.

– Да пошел ты, – стонет Дарья. – Светка за тобой пусть ухаживает. У вас же с ней...

– Ты ревнуешь, что ли? – ухмыляюсь я. Челюсть тоже простреливает. Нормально, я сходил на каток посублимировать.

– Дурак. Том, вызови ему скорую. Он, похоже, голову отшиб. Ваня, идем.

– Далеко собралась? – она сейчас уйдет. Да и пусть валит. Пусть уходит. Пусть...

– От тебя подальше.

– Но мы еще не договорили. Например, о твоём сыне... И о его будущем.

Она замирает. Почему, интересно, у неё такой затравленный взгляд? Я даже её не успел поугатать социальными службами и тем, что её сопляк малолетний преступник.

– Ванечка, иди переодевайся, – она старается говорить спокойно, но голос дрожит.

– Ма. Этот дядька, он твой начальник, да? Прости, а? Я не хотел, правда. Дядь, простите меня. Не увольняйте маму. Она не виновата же. Она хорошая. Просто вы ей мало денег платите, и нам на коньки нормальные не хватает.

– Ваня, иди переодеваться, – чеканит слова Дарья. Мальчишку словно ветром сдувает. Она склоняется надо мной. – Только посмей приблизиться к моему сыну. И пожалеешь, что родился на свет. Понял?

– Ой, как страшно, – черт, а и вправду не по себе.

– Тут он. Вот, – снова выныривает откуда-то из небытия дура Томка в компании двух мужиков в униформе фельдшеров со скорой. Слава богу.

– Мы не договорили, – шепчу я.

– А по-моему, всё предельно ясно и уже очень давно, – кривит губы в улыбке Дашка. – Даров, всё ведь просто, правда?

Нет, всё очень сложно. Невероятно. Нескончаемо.

Глава 11

Дарья

Просто. Все просто. Он мне изменил. Он уехал, оставил меня одну. Я не успела ему сказать, что жду ребенка. А потом просто не стал ни искать. Ни думать, ни вспоминать. Да и некогда мне было. Ванька был очень крикливым. Ревел и днем и ночью, до грыжи пупочной полгода. Мне казалось тогда, что я превращаюсь в зомби. Тело функционировало, а мозг отрубался. Я заканчивала университет, таская на зачеты маленького мальчика, который не выносил коляску, пеленки и прочее ограничение его младенческой свободы. Мне не нужна была жалость, я даже была благодарна Богу за то, что он вот так меня нагрузил. Это позволяло мне не думать о том, кого я так и не могла разлюбить. О том, кто просто меня уничтожил. Мне не хватало ни времени, ни сил думать о Дарове. А теперь...

Теперь он снова здесь и портит мне жизнь. И я ничего не могу с этим поделать.

– Ма, ну правда, я случайно. Он просто так гонял, и я решил показать, что я тоже могу круто кататься. Я даже не знал, что это твой начальник, честно. Просто коньки пальцы мне нажали, и я...

– Вань, я правда понимаю. Просто зачем тебе кому-то что-то доказывать? Особенно чужим людям. Им не интересно, понимаешь? А у нас опять куча проблем. И да, ты не виноват. Это моя вина, – вздыхаю я. Чистую правду говорю. Я виновата, что не могу сыну коньки купить по размеру. Что мой маленький сын так нуждается в отце, что решил перед незнакомцем показать свои умения. Что вру ему про папашу геройского, который вон на льду валяется под прищмотром Томки. Слава Богу, что она есть у нас с Ванюшкой. Одна бы я давно сошла с ума.

– Он теперь тебя уволит точно, да? Ну, я же ему лоб расшиб. Теперь вон ногу. Ма...

– Не знаю, Вань, – отвечаю честно. Очень бы хотелось, чтобы уволил и снова исчез. Но... – Вань, а пошли в магазин. Купим тебе Яйцо шоколадное. Ну то, которое ты просил.

– Правда? С хоккеистами? Ух ты. А можно еще мне коктейль молочный и ту колбаску. Ну ту с мишуткой?

– Можно, – хмыкаю я. Колбаса в нашем доме обычно под запретом. Но сегодня, за сбитого вражеского гада сына я поощрю, даже если для этого мне придется спустить весь дневной бюджет. Ванюшка радостно скачет рядом, даже не догадываясь, о чем думает его бестолковая мать.

– Мам, у тебя телефон звонит, – дергает меня за куртку сын. И вправду. Нужно будет сменить мелодию. Эта мерзкая. Зачем я вообще поставила на звонок нашу с Даровым песню? По инерции, наверное. Да. У нас была песня. И планы были. И мечты. Он все разрушил, так почему я бесконечно думаю о нем?

– Я забыл спросить, – впивается мне в ухо хриплый голос. Вспомни, солнышко, вот и лучик, блин. Даров, какого черта ему надо? – А отчество у твоего беззубого какое?

– Где ты взял мой номер? – сиплю я. – И какого лешего тебя вдруг заинтересовало отчество моего сына?

– Я думал, ты посообразительнее, Дашка-Чебурашка. Я же всесильный, богатый и наглый. Конечно, заставил Светульку поднять твое личное дело. Специально ей позвонил из больницы, в которую меня уконтропупил твой пацан. Слушай, а может, ты специально его подговорила? Признавайся, что ты ему за это пообещала?

– Шоколадное яйцо, коктейль молочный и батон колбасы. – выдыхаю я рвано.

– Не густо. Конкуренты мои были щедрее, когда меня заказывали, – голос Дарова звучит надсадно. Проникает под кожу, в подкорку мозга. Такой же, как семь лет назад. Черт.

– Ты звонил только отчество узнать. Так прочти личное дело. И отстань от меня. От нас отстань, – стону я, борясь с желанием грохнуть телефон об асфальт.

– Нет, я хотел сказать, что ты сможешь меня завтра забрать из больницы в десять утра. Мне положен постельный режим, домашняя еда и заботливый уход. А так как это твой сын меня угробил... Или я пишу заявку. Ну и прихваты у меня тут появились. Мэр. Думаю, что соцслужбы сработают быстро.

– Я тебе уже сказала. Да пошел ты...

– Мам, а так разве можно говорить? – Ванька. Господи, я совсем очумела. Даже забыла, что он рядом и слушает и все замечает. – А кто это звонит? Это дяденька твой начальник, да? А давай я у него попрошу прощения. И мы его навестим. И...

– Ваня, – перебиваю я сына.

– Вот, ушастый правильно говорит, – несется мне в ухо издевательский смех. – Завтра жду. Костыли принеси.

– Пусть твои Светки тебя навещают, – почти рычу, сбрасывая звонок. Отключаю телефон. Сил нет, нечем дышать. Слава Богу, мы дошли до магазина. Обывалась на небольшую скамеечку у входа. Слава добрым людям, которые ее тут поставили.

– Иди, выбирай, что хочешь, – борясь с мухами, танцующими в глазах, говорю Ванятке. Мне нужна передышка. Мне нужно подумать. Мне жизненно необходимо снова выбросить из головы Дарова. И купить себе газету с вакансиями. Найти новую работу. Как говорила Томка, по специальности. Сколько уже можно бегать с тряпкой и шваброй? Я дипломированный юрист. Господи, ну кого я обманываю? Кому нужна дура без опыта, ни дня не работавшая по специальности?

– Ма, я вот еще тебе взял, – вздрогнула, выпадая в реальность. Ванюшка тянет мне маленький букетик цветов. Стоящий, как железный мост. Тюльпаны. Даров всегда дарил мне тюльпаны. Вот именно такие, розовые с белой рябью. – Я решил, что колбаску не хочу. И коктейль. Лучше цветочки тебе. Правда красивые? Мама, ты чего? Не плачь, мам. Я вырасту. Стану как наш папа, буду денежки сам зарабатывать и сам тебе цветочки покупать. Мам, ну ты чего?

– Вань, я тебя очень люблю. И ты очень похож на своего папу, – выдыхаю я. Похож. Только мой мальчик добрый и непосредственный. А Даров зло во плоти. И его угрозы меня пугают до одури. – И цветы красивые очень. Но коктейль и колбаску все же возьми.

– Я похож на папу. Правда? Круто. Только я буду тебя спасать, ладно? И всегда буду рядом.

Глава 12

Игорь Даров

– Ненавижу апельсины. Яблоки тоже терпеть не могу.

– Вы очень-очень капризный больной, Игоречек... Владимирович, – капризно тянет Светлана. Чертова баба, как липучка приставучая. – Хорошо, о мой повелитель. Что бы вы хотели получить на сладкое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.